

DOI: 10.17951/i.2018.43.1.55-77

ANNALLES
UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA
LUBLIN – POLONIA

VOL. XLIII, 1 SECTIO I 2018

ЛЮДМИЛА СКОКОВА

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8152-7087>

Національної академії наук України

Языковые практики в Украине: (не)сбалансированное сосуществование*

Praktyki językowe na Ukrainie: (nie)zrównoważone współistnienie

ВСТУПЛЕНИЕ

Известно, что в Украине широко используются два языка – украинский и русский, хотя их правовой статус, ареалы распространения, частота использования в публичном и частном пространстве значительно отличаются в разных регионах страны. Единственным государственным языком, согласно Конституции Украины, является украинский язык. Со времени аннексии Крыма и развязывания военных действий на Донбассе, языковой «вопрос» постоянно присутствует в медийной повестке дня, обсуждениях в парламенте, в прессе, в социальных сетях. Языковые выборы, как часть повседневной жизни граждан, перманентно актуализируются в виде необходимости согласования языка межличностной коммуникации, выбора языка

* Стаття являється русскоязычною версією розвитку тезисов, содержащихся в: Л. Скокова, *Мовна соціалізація і мовні компетенції молоді в Україні: регіональні особливості*, [в:] *Молодіжна політика: проблеми і перспективи. Збірник наукових праць*, ред. С. Щудло, П. Длугош, Дрогобич–Жешув 2016, с. 53–58; Л.Г. Скокова, *Мовний аспект практик культурного споживання*, [в:] *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін*, ред. В.М. Ворона, М.О. Шульга, Київ 2015, Вип. 2(16), с. 406–417. Рассматривается динамика языковых приоритетов в сфере культурного предложения и потребления на основе новых данных статистики и социологических опросов за последние три года, а также детально анализируется траектория языковой ситуации в Украине с учетом актуальных политико-правовых решений, касающихся функций украинского языка в обществе.

обучения детей, лингвистических предпочтений в потреблении культурных продуктов (медиа, кино, литература и т.п.).

Отличающийся социально-исторический бекграунд разных регионов Украины – нахождение в составе разных империй до Первой мировой войны, разное время пребывания в составе Советского Союза, различия в степени индустриализации и урбанизации отдельных областей, уровне мобильности, распространенности межнациональных браков – приводит к социокультурной дифференциации регионов, в том числе в виде большей или меньшей языковой разнородности/однородности. Мнимая соревновательность во время президентских, парламентских выборов с 1990-х приводила к постоянному манипулированию региональными различиями, когда языковая специфика, особенности отношения населения к историческому прошлому использовались политиками для привлечения голосов избирателей. Языковой вопрос (связанный с попытками и реализацией официального повышения/понижения статуса русского языка, дерусификации/украинизации) становился частью «политик истории», элементом видения политического будущего страны, вектора международных отношений. Политическое манипулирование вопросами легитимности и статуса языков, без учета реального состояния дел, повышает градус конфликтности в обществе, которое и без того с начала 2014 г. находится в состоянии военных действий, затяжного социально-экономического кризиса. По сути речь идет о чрезвычайном состоянии социума, определяемом в современной социологической литературе термином *emergency*¹, которое характеризуются системной турбулентностью, влияющей на все сферы существования социума, образ жизни людей, их ценностные обоснования и практики.

В этой связи представляется актуальным детальное рассмотрение на основе данных статистики и социологических опросов особенностей практического использования украинского и русского языков в обществе – как в сфере их институциональной поддержки, так и реальных выборов в повседневной (культурной) жизни граждан, динамику этих процессов в течение последних лет. Языковые практики граждан будем трактовать как выборы (хабитуализированные/рефлексивные) языка повседневного общения, обучения, общения на работе, в публичном, в том числе виртуальном, пространстве, потреблении информации, культурных продуктов. Возможность выбора во многом обусловлена институционально – наличие или отсутствия возможности

¹ S. Žižek, *A permanent economic emergency*, “New Left Review” 2010, Vol. 64, с. 85–95; Н. Костенко, *У стані «emergency»: культурні ефекти*, «Соціологія: теорія, методи, маркетинг» 2016, № 24, с. 102–118.

потреблять информацию, продукты культуры, общаться на определенном языке зависит от особенностей первичной социализации, языка преподавания в учебных заведениях, повседневной языковой среды в месте проживания, языков медиа, доступной литературы и т.п. Таким образом исследование строится на сопоставлении динамики институционально обеспеченных «предложений» в полях образования, медиа, литературы и другой печатной продукции и «спроса» в виде языковых ориентаций, компетентностей и повседневных культурных практик использования языков.

Вопросы социокультурной дифференциации украинского общества, в том числе в сфере языковых ориентаций, неоднократно привлекали внимание украинских социологов. Фокусируясь на анализе языковых приоритетов в региональном разрезе на основе репрезентативных исследований последних десятилетий, можно назвать работы о вариациях национально-пространственных идентичностей², об уровне этноязыковой однородности регионов, использовании языка в семейном общении, особенностях лингво-этнической дифференциации³, языковых делениях, украинском регионализме⁴, динамике культурных предпочтений в регионах⁵ и многие другие.

Важным источником данных для анализа особенностей функционирования языков в современной Украине послужили работы историков (исторические политики и историческая память)⁶, политологов (языковые дискурсы)⁷,

² А.О. Ручка, *Варіації національно-просторових ідентичностей*, [в:] *Соціокультурні ідентичності та практики*, ред. А. Ручка, Київ 2002, с. 156–164.

³ Л.О. Аза, *Етномовна диференціація в Україні: регіональні особливості*, [в:] *Культура – суспільство – особистість. Курс лекцій: навч. посіб.*, ред. Л. Скокова, Київ 2006, с. 179–201; В.С. Хмелько, *Лінгвоетнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності*, «Наукові записки НАУКМА. Соціологічні науки» 2004, т. 2; М. Шульга, *Динаміка використання української і російської мови у сімейному спілкуванні*, [в:] *Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг*, ред. В. Ворона, М. Шульга, Київ 2010, с. 449–458.

⁴ А. Колодій, *Український регіоналізм як стан культурно-політичної поляризованості*, «Агора» 2006, № 3, с. 69–91; І. Прибиткова, *Україна в регіонально-громадянському та національно-мовному вимірі за доби змін*, [в:] *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін*, Київ 2014, Вип. 1(1), с. 196–210.

⁵ І. Кононов, *Культурні дискурси регіонів*, [в:] *Якісні дослідження в соціологічних практиках: [навч. посіб]*, ред. Н. Костенко, Л. Скокова, Київ 2009, с. 297–319; Л. Скокова, *Культурні переваги регіонів*, [в:] *Субкультурна варіативність українського соціуму*, ред. Н. Костенко, А. Ручка, Київ 2010, с. 146–174; О.І. Вишняк, *Мовна ситуація та статус мов в Україні: динаміка, проблеми, перспективи (соціологічний аналіз)*, Київ 2009.

⁶ Г. Касьянов, *Історична політика 1990-х поч. XXI ст.: Україна та пострадянський простір*, «Україна модерна» 2014, Число 21, с. 135–159.

⁷ В. Кулик, *Дискурс українських медій: ідентичності, ідеології, владні стосунки*, Київ 2010.

этносоциологов (полиэтничность)⁸, социологов культуры (культурная компетентность)⁹, социолингвистов (языковые коды, языковые репертуары)¹⁰.

ТЕОРИЯ ПРАКТИК П.БУРДЬЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятийный аппарат, используемый в этом исследовании, разработан, по преимуществу, в теории практик П. Бурдьё. Речь идет, прежде всего о следующих концептах: *капиталы* как стратифицированное распределение ресурсов (экономический, культурный, социальный, языковой вместе с их символическим значением), их объем и структура; *поля* и *субполя* как автономные сети социальных позиций и соответствующие последним объемы капитала/власти (поле экономики, политики, образования, языка, медиа, литературы, культурного потребления и др.); *габитус* как инкорпорированная в течение социализации система схем классификации окружающего мира; *практики* и *стратегии* – габитуализированные образцы действий, которые совмещают в себе осознаваемые и не осознаваемые аспекты¹¹. Практики следуют «правилам» – конвенциям, рутинам повседневной жизни, неким «правилам игры», которые исторически функционируют в том или ином поле, и к которым, при условии соответствия хабитуальных диспозиций, лучше или хуже приспособлен агент. Биографическая история, специфический контекст разворачивания практик могут способствовать актуализации импровизационной природы практик.

Унификация поля языка, по мысли Бурдьё, осуществляется вместе с интеграцией экономического и политического пространства в период становления национального государства. Власть легитимизирует определенный языковой стиль как норму коммуникации, тогда как другие стили (социальные, региональные, этнических меньшинств) оказываются в подчиненном состоянии. Овладеть легитимным стилем коммуникации легче выходцам из высших слоев общества. Государство через образовательные учреждения

⁸ В. Евтух, *Полиэтничность как конструкт modus vivendi*, «Социология: теория, методы, маркетинг» 2014, № 4, с. 133–155.

⁹ L. Korporowicz, *Kompetencja kulturowa jako problem badawczy*, „Kultura i Społeczeństwo” 1983, nr 2.

¹⁰ Г. Гентшель, П. Целер, *Аспекти використання мов у центральних регіонах України*, «Социология: теория, методы, маркетинг» 2016, № 4, с. 142–163; J. Blommaert, B. Rampton, *Language and Superdiversity*, “Diversities” 2011, Vol. 13(2), с. 1–20.

¹¹ П. Бурдьё, *Практический смысл*, Москва 2001; Bourdieu P., *Language and Symbolic Power*, Oxford 1991; *idem, The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature*, New York 1993.

контролирует распределение языкового капитала, его кодификацию, оценку, символический вес, формируя посредством языка «общность сознания, которая создает нацию»¹².

Поле образования взаимосвязано с полями профессий; национальный рынок труда требует унифицированных дипломов об образовании, таким образом карьерный успех подразумевает высокий уровень языковой компетентности. Родители стремятся приучать своих детей именно к легитимному языку, ориентируя на высокие достижения в сферах, где языковой капитал будет востребованным. Языковые практики используются вместе с тем как практики различения – создавая границы между иерархически структурированными группами, когда легитимный языковой стиль дискурсивно конструируется как «изысканный», «лексически насыщенный», самой семантикой отсылая к существованию языка «примитивного», «простонародного», «грубого». Могут функционировать и другие противопоставления, например «родной»/«чужой» язык, язык «города»/«язык села» и др.

Динамика языкового поля поддерживается напряжением, которое возникает из желания быть похожими на носителей легитимного языка, то есть оказаться в рядах тех, кто достиг успеха. Важно подчеркнуть мысль Бурдьё о том, что прогресс в распространении официального языка зависит в определенной мере от правовых предписаний, использования языка в публичном пространстве, но это не касается всеобщего его использования, а значит автономного воспроизводства.

Признание легитимности закладывается практическими привычками, которые усваиваются не ощутимо, в течение длительного, медленного приучения, посредством санкций языкового рынка: связь между овладением официальным языком и возможностями материального и символического успеха становится понятной всем без исключения, законы формирования цен в определенном секторе рынка объективно обещают успех лишь тем, кто овладеет определенным языковым капиталом¹³.

Неравное распределение языкового капитала приводит к тому, что каждый лингвистический обмен содержит *потенциал* акта власти. Любой языковой обмен «запускает в ход комплексную и разветвленную сеть исторических властных отношений между носителем языка, наделенным специфическим социальным авторитетом, и аудиторией, которая признает этот авторитет в определенной степени, а также между группами, к которым

¹² *Idem*, *О производстве и воспроизводстве легитимного языка*, «Отечественные записки» 2005, № 2, www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vozproizvodstve-legitimnogo-yazyka [доступ: 10.10.2018].

¹³ *Ibidem*.

принадлежит этот носитель языка и эта аудитория», пишет Бурдьё¹⁴. Он отмечает, что адекватно понять языковые практики можно лишь в связи со смежными практиками: тратами на досуг, одежду, вкусами в сфере искусства, политическими ориентациями и пр. Лингвистический габитус является одним из показателей позиции в социальной структуре, языковой стиль – часть инкорпорированного стиля жизни, структурированные системы языковых отличий соответствуют структурированным системам социальных отличий.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Изложение строится на интерпретации опубликованных данных государственной статистики Украины и социологических опросов. В случае последних для авторских расчетов используются массивы репрезентативных опросов населения Украины в рамках исследования «Украинское общество» 1994–2017 годов. Ежегодное исследование «Украинское общество: мониторинг социальных изменений» с 1992 г. проводится на базе Института социологии Национальной академии наук Украины. Руководитель проекта – В. Ворона, авторы программы проекта Е. Головаха и Н. Панина. Это общенациональный опрос, который осуществляется методом самостоятельного заполнения анкет по репрезентативной для взрослого населения Украины выборке (18 лет и старше) во всех регионах страны (N = 1800)¹⁵. Начиная с 2014 г., опрос не включает АР Крым и оккупированную часть Луганской и Донецкой областей. То же касается и данных государственной статистики.

Ответы респондентов до 2014 г. сгруппированы по семи регионам. *Запад* – Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Варненская, Тернопольская, Черновицкая области; Север – Житомирская, Киевская, Сумская, Черниговская области, г. Киев; *Центр* – Винницкая, Кировоградская, Полтавская, Хмельницкая, Черкасская, *Юг* – Николаевская, Херсонская, Одесская области; *Восток* – Запорожская, Днепропетровская, Харьковская области; *Донбасс* – Донецкая, Луганская области, *АР Крым* – Автономная Республика Крым. Начиная с 2014 г. данные по седьмому региону (АР Крым) отсутствуют, шестой регион (Донбасс) подразумевает данные опроса населения той части территорий Луганской и Донецкой областей, которые находятся под контролем Украины.

¹⁴ Мова і символічне насильство. Інтерв'ю Лоїка Вакана з П'єром Бурдьє, «Спільне» 2011, <http://commons.com.ua/mova-i-simvolichne-nasilstvo/#more-9946> [доступ: 10.10.2018].

¹⁵ Є. Головаха, Н. Паніна, *Моніторингові дослідження Інституту соціології НАН України: методологія, методи, організація опитувань*, [в:] *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін*, Київ 2014, Вип. 1(15), т. 2, с. 5–12.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕЕ ДИНАМИКА

Языковая ситуация в обществе понимается как свойственный ему способ удовлетворения коммуникативных потребностей с помощью одного или нескольких языков. Изменения языковых ориентаций и практик населения в целом фиксируются по данным переписей, а также по репрезентативным опросам. Последний раз всеобщая перепись в Украине проводилась в 2001 г., предыдущая в 1989 г. По данным Всеукраинской переписи 2001 г. украинский язык считали родным 67,5% населения Украины, что на 2,8% больше, чем по данным переписи 1989 г. Русский язык отметили как родной 29,6% населения (в 1989 г. – 32,8%). Доля других языков, которые были указаны как родные, составляла 2,9%¹⁶.

Табл. 1. Динамика языковых ориентаций и практик
(идентификация с родным языком, язык общения дома, отношение к получению
русским языком статуса официального; 1996–2017, %)

Годы	Ваш родной язык			Язык общения дома			Согласны с получением русским языком статуса официального		
	Украинский	Русский	Другой	Преимущественно украинский	Преимущественно русский	И тот, и другой	Нет	Трудно сказать	Да
1996	62,5	36,1	1,4	36,9	33,1	29,6	32,9	16,1	50,9
2000	63,8	35,1	1,2	39,1	36,0	24,8	36,2	19,3	44,0
2005	64,3	34,1	1,5	41,8	36,4	21,6	34,4	16,8	48,6
2010	65,1	32,5	2,3	41,7	34,9	22,1	39,6	17,0	43,3
2012	66,2	32,4	1,2	42,9	35,4	20,9	41,6	14,8	43,4
2013	–	–	–	38,7	37,9	22,8	49,1	14,2	36,5
2014	68,5	30,1	1,4	43,3	31,2	24,8	49,7	18,1	32,2
2015	73,1	25	1,2	43	25,6	30,4	59,9	13,2	25,4
2016	70,7	28,4	0,7	42,3	32,2	25,4	55,6	14,1	30,3
2017	72,2	27,0	0,8	41,2	28,9	29,3	54,4	15,0	30,0

Источник: Мониторинг «Украинское общество» Института социологии НАН Украины.

¹⁶ Мовний склад населення України: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/language> [доступ: 10.10.2018].

Динамику языковой ситуации можно проследить и на основе мониторинга (табл. 1). Ответы на вопрос: Какой язык Вы считаете родным?, по нашему мнению, можно считать индикатором отношения к языку, не обязательно связанного с языковыми практиками. Для анализа распространенности последних в качестве индикатора можно использовать ответы на вопрос: На каком языке (языках) Вы преимущественно общаетесь в Вашей семье (дома)? Как правило, в семье, дома общаются неформально, следуя рутинным схемам лингвистической коммуникации. За годы наблюдений 1994–2017 преимущественно на украинском языке разговаривают дома 37–43% опрошенных, преимущественно на русском языке – 29–38%; используют оба языка (в зависимости от обстоятельств) – 22–29% респондентов. За период 2015–2017 стали считать украинский родным 71–73% опрошиваемых и 25–28% таковым считают русский язык, в 2012 г. это соотношение составляло 66% и 32%.

В качестве дополнительного индикатора языковой ориентации можно использовать ответы на вопрос: Считаете ли Вы необходимым предоставить русскому языку статус официального? Этот статус можно понимать по-разному: как статус второго государственного языка, регионального языка, языка национального меньшинства или языка межнационального общения. Респонденты могут сами определять эти возможности, (не) соглашаясь с получением русским языком статуса официального. Сторонников получения русским языком статуса официального всегда было больше на Донбассе, в восточных и южных областях. В целом по стране доля респондентов, благосклонно относящихся к этой идее, уменьшалась с 51% в 1996 г. до 43% в 2012 г. и 30% в 2017 г. Повседневные языковые практики особых изменений за последние два-три года не претерпели, 41–43% респондентов отвечают, что общаются дома на украинском языке, доля тех, кто отвечает, что общается на русском языке дома, колеблется на уровне 27–32% (в 2012 г. – 35%), 25–30% отвечают, что используют оба языка.

ЯЗЫКОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Начало формированию языковых практик задаёт семейная социализация. По данным 2007 г., воспитание трети опрошиваемых происходило в украиноязычных семьях, около 30% отвечали, что родители общались в семье исключительно на русском языке, остальные – 35% – слышали и русский, и украинский язык, их комбинации от родителей/воспитателей (табл. 2). Респонденты Западного региона и Крыма в 82% случаев росли в моноязычной среде семьи, соответственно – в украиноязычной/русскоязычной. Для других регионов

ситуация двуязычия в семье родителей встречается чаще: треть опрошенных на Донбассе, 43–48% в Северном, Центральном, Южном, Восточном регионах слышали в детстве от родителей и украинский, и русский язык, смешанный язык, в котором используются слова и конструкции из обоих языков (суржик). Таким образом, для каждого третьего жителя страны двуязычие, использование разных языковых кодов является естественным состоянием дел, нормой, хабитуально усвоенной в детстве.

Табл. 2. Язык общения родителей, матери/отца в неполной семье, воспитателей в детском доме (2007, %)

Регионы	Исключительно украинский	Преимущественно украинский, изредка русский	Смешанный язык, в котором используются как украинские, так и русские слова	Преимущественно русский, изредка украинский	Исключительно русский	Другой язык
Всего	33,9	8,4	17,2	9,7	29,4	1,1
Запад	81,6	5,8	5,5	1,2	4,0	2,0
Север	37,3	14,7	20,6	8,8	18,3	0,3
Центр	47,9	12,9	24,7	5,3	8,7	0,4
Юг	15,1	7,8	22,3	18,4	34,6	1,7
Восток	13,8	7,7	23,4	16,0	38,5	0,6
Донбасс	4,3	3,5	16,0	13,8	61,7	0,7
АР Крым	3,3	3,3	2,2	5,5	82,4	3,3

Источник: Мониторинг «Украинское общество» Института социологии НАН Украины.

Изменение официального статуса украинского языка и языковая социализация. В советские времена под влиянием государственной языковой политики в Украине в официальном общении, а также в больших городах доминировал русский язык. Его государственная легитимация как способа межнациональной коммуникации, а во многих случаях и доступа к высшему образованию, пониманию содержания центральных медиа, других культурных русскоязычных продуктов делала носителями русского языка представителей иноязычных групп, особенно тех, кто стремился занять высшие статусные позиции – т.е. горожане по сравнению с сельчанами, жители индустриализированных территорий, лица с высшим уровнем образования, руководители разного уровня. В Украине легитимное доминирование русского языка устанавливалось постепенно, сосуществуя с волной

«украинизации» (коренизации) в 1920-х – начале 1930-х годов, «оттепелью» в 1960-е годы. С 1961 г. программа КПСС очертила курс на «последующее сближение наций и достижение их полного единства». В Украине, в частности, с 1959 г. было изменено образовательное законодательство, упразднив обязательное изучение украинского языка в школах с русским языком обучения¹⁷. В период «позднего застоя» (1970–1980-е годы) украинский и русский язык выполняли свои функции, как их представляла идеология и практика того времени. Произведения, лояльные по «духу» советскому строю, популяризирующие национальную самобытность в рамках идеологии интернационализма и дружбы народов, проходившие через фильтры цензуры, имели широкую аудиторию – в частности, высокие тиражи развлекательных украиноязычных журналов и газет, художественной, детской литературы, всесоюзная популярность украинской эстрадной музыки. Развивались выпуск словарей, энциклопедий на украинском языке, переводов иностранной художественной литературы на украинский язык и т.п. В то же время продолжала существовать жесткая институциональная система контроля попыток выйти за эти рамки, которая могла приводить и к увольнениям, исключениям, репрессиям, в случае объявления авторов носителями «буржуазного национализма», «буржуазной идеологии». На уровне повседневного общения украинский язык, а также «суржик» как смесь украинской и русской лексики, бытуют в менее урбанизированной местности, среди менее образованных слоев населения (с региональными различиями), тогда как в больших городах русский язык все чаще занимает доминирующую позицию, как символически, так и институционально. Принятие Закона «О языках в Украинской ССР» 1989 г. и государственной программы его внедрения дало начало повышению роли украинского языка как единственного государственного и официального языка. Его статус был закреплен в Конституции Украины 1996 г. Считается, что за годы государственной независимости Украины самые явные изменения в сферах функционирования украинского языка произошли в учреждениях дошкольного воспитания (количество детей, воспитание которых происходило на украинском языке, выросло с 51% в 1991 г. до 86% в 2010 г., школьном среднем образовании (за этот же период – с 48% до 82%), в языке публичных мероприятий, государственном управлении, делопроизводстве, рекламе¹⁸.

¹⁷ С. Грабовский, *Как мы не стали частью «единого народа». Украинская городская культура 1960–1980-х: драматичная история*, 14 февраля, 2014, <https://day.kyiv.ua/ru/article/ukraina-incognita/kak-my-ne-stali-chastyu-edinogo-naroda> [доступ: 10.10.2018].

¹⁸ *Статистичний щорічник України за 2010 рік.*, Київ 2011.

Табл. 3. Распределение детей/учеников/студентов в учреждениях образования по языку обучения (1995, 2010, %)

Регион	Дошкольные учебные заведения				Общеобразовательные учебные заведения				Высшие учебные заведения I–II уровней аккредитации				Высшие учебные заведения III–IV уровней аккредитации			
	Укр.		Русский		Укр.		Русский		Укр.		Русский		Укр.		Русский	
	1995	2010	1995	2010	1995	2010	1995	2010	1995	2010	1995	2010	1995	2010	1995	2010
Украина	66,0	85,9	33,0	13,5	58,0	82,0	41,0	17,0	51,0	90,0	49,0	10,0	55,0	91,0	45,0	9,0
Запад	97,0	97,3	0,5	0,1	93,1	95,6	2,7	0,4	98,7	99,6	0,7	–	99,1	99,6	0,9	–
Север	94,6	99,7	5,4	0,3	78,4	98,1	21,6	1,9	78,2	100,0	21,8	–	72,6	98,0	27,4	2,0
Центр	98,7	99,6	1,5	0,4	85,4	98,8	14,6	1,1	93,8	100,0	6,2	–	84,2	97,6	15,8	2,2
Юг	62,0	87,0	37,7	12,4	49,3	83,0	50,0	16,3	44,7	99,0	55,3	1,0	37,3	90,9	62,7	9,1
Восток	53,7	87,8	46,3	12,2	38,0	76,3	62,0	23,7	29,7	96,0	70,3	4,0	27,7	92,0	72,3	8,0
Донбасс	12,0	55,7	88,0	44,4	7,5	47,5	92,5	52,5	5,5	69,0	94,5	31,0	8,0	70,5	92,0	29,5
АР Крым	0,6	3,9	99,2	95,6	v0,1	5,5	99,7	93,0	–	2,5	100,0	97,5	–	15,0	100,0	85,0

Источник: Статистичний щорічник України за 2010 рік., Київ 2011.

Как показывают данные статистики по областям, обработанные нами в региональном разрезе (табл. 3), воспитание детей на украинском языке в дошкольных заведениях достигало к 2010 г. 97–99% в Западном, Северном, Центральном регионах, 87–88% – в Южном и Восточном (было 62% и 54% в 1995 г.), 56% – на Донбассе (12% в 1995-му), 4% – в Крыму.

Подобная тенденция по данным статистики наблюдается и относительно языковой среды общеобразовательных учебных заведений, практически все они считаются украиноязычными в Западном, Северном, Центральном регионах, где русскоязычных школ осталось от 0,4 до 1,9%. На Востоке страны украиноязычных школ стало вдвое больше (с 38% до 76%), на Донбассе – в 6 раз (с 8% до 48%). За эти 15 лет почти полностью переориентирована на украинский язык система высших учебных заведений. В большинстве регионов по данным статистики достигнуто 100% преподавание предметов на государственном языке, в Южном регионе насчитывается 9% русскоязычных ВНЗ III–IV уровней аккредитации, в Восточном – 8%, на Донбассе – 30%.

Таким образом, за эти годы на уровне государственной политики были сделаны шаги по языковой унификации обучения молодежи страны, украинский язык все чаще использовался как средство деловой, научной коммуникации, а также функционировал как символ государственности рядом с другими символами и идентитетами – названием страны, территорией, государственной символикой и т.д. Вместе с тем перевод на украинский язык обучения не отличался последовательностью, часто не был подкреплен финансовой, организационной, методической помощью на местах, в ряде регионов (Крым, Донбасс) не выполнялся или тормозился. Социологические опросы показывают менее однозначную по сравнению с данными статистики картину темпов перехода на украиноязычное обучение. По данным опроса 2007 г. взрослого населения почти каждый второй респондент получил в свое время *начальное* и *среднее образование* на русском языке, на Донбассе и в Крыму таких было 88% и 91% соответственно. Среди *молодежи 18–29 лет* (самые старшие представители этой когорты были учениками школы в 1985–1995 гг., самые младшие – в 1996–2006 гг.) 47% обучались на украинском языке и еще 11% переходили на украиноязычное обучение, остальные – 42% – обучались на русском языке. Не абсолютизируя эти цифры, тем не менее, понятно, что языковая ситуация получения всеобщего среднего образования в группе 18–29 лет отличается от данных статистики. Среди всех опрошенных со *средним специальным и высшим образованием*, 60% получали его в свое время на русском языке, соответственно 40% – на украинском. Среди респондентов 18–29 лет обучение только на русском отметили 25%, еще 21% указали, что большинство предметов были на русском, а некоторые

– на украинском; 23% сказали, что лишь часть предметов были на русском, таким образом обучались исключительно на украинском 31% студентов среди опрошенных 18–29 лет. Конечно, и в этом случае присутствуют значительные региональные вариации, от западных областей с их преобладанием обучения только на украинском до восточных и южных, где русскоязычное окружение сказывается и на получении образования. Данные опросов показывают, что ситуация *двуязычной среды, комбинации языковых кодов* распространена достаточно широко. Часто среда языкового семейного общения не совпадает с языком обучения, например, среди тех, кто обучался в средней школе на русском языке, только 59% общались в семье исключительно на русском языке, 32% чередовали русский и украинский, в том числе смешивая слова разных языков, 8% говорили дома по-украински.

Опрос 2013 г. показывает достаточно высокий уровень *языковой компетентности* относительно украинского и русского языков: по 75% опрошенных могут свободно говорить, читать и писать, остальные – каждый четвертый – так или иначе понимают украинский/русский язык, таких, кто не понимает тот или другой язык практически нет (табл. 4). Английский язык, который чаще всего изучают как зарубежный, не знают/не понимают 66% респондентов (среди молодежи 42%), свободно владеют английским 2% (среди молодежи 4%). Видение будущего относительно целесообразности изучения русского языка детьми в школе различается у тех, кто пользуется одним или двумя языками. Среди тех, кто общаются в семье преимущественно на украинском, доля считающих, что нужно изучать русский язык в школе, составляет 18%, «преимущественно на русском» – 67%, «и на украинском, и на русском» – 50%. Вместе с тем представители этих языковых категорий единодушны в мнении, что в школах необходимо изучать английский язык.

Табл. 4. Языковая компетентность относительно украинского, русского, английского языков (2013, %)

Образование/город	Могу свободно говорить, читать и писать		Могу свободно читать и писать, но возникают проблемы в разговоре		Могу свободно читать на этом языке, но не пишу и не разговариваю		В основном понимаю этот язык, но в разговоре и чтении возникают проблемы		Практически не понимаю этот язык						
	Укр.	Рос.	Англ.	Укр.	Рос.	Англ.	Укр.	Рос.	Англ.	Укр.	Рос.	Англ.			
N = 1800	74,6	75,1	2,3	13,2	16,2	4,7	4,8	4,4	6,0	6,3	3,9	20,8	1,0	0,3	65,9
Высшее образование	78,5	86,4	4,8	14,5	11,0	10,1	2,6	2,2	8,8	3,9	0,4	32,5	0,4	0	43,9
Большой город	64,3	87,9	2,1	17,6	9,2	5,8	9,6	1,5	7,2	7,2	1,4	23,1	1,4	0	61,8

Источник: Мониторинг «Украинское общество» Института социологии НАН Украины.

Трудно спорить, что владение языками повышает объем знаний и квалификацию индивида, облегчает доступ к большему количеству культурных продуктов, расширяет кругозор, содействует межкультурной коммуникации, открытости к другим культурам. В ситуации глобализации становится обычным владение иностранными языками, самыми распространенными мировыми языками. Идеи взаимообогащения культур распространяются в международных документах, в документах ЕС¹⁹. Распространенность английского языка (как языка международного общения) на данный момент в украинском обществе не высокая. В то же время ситуация повседневно двуязычия, расширенного языкового репертуара говорит о значительном объеме культурного капитала в украинском социуме на базе знания украинского и русского языков. Считать ли это социальное явление культурным капиталом и как им распорядиться – поддерживать нынешнее состояние или вытеснить русский язык из публичного пространства, из сферы образования в пользу украинского – актуальная тема общественных и законодательных дебатов, инициатив и решений в нынешнем украинском социуме.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ И ПРОСМОТР ТЕЛЕПЕРЕДАЧ

В информационном обществе медиа становятся всеохватывающими, предлагая потребителю все более разнообразные жанры, форматы, способы доступа. На телевидении (опрос 2017 г.) вниманием аудиторий пользуются в первую очередь новости (55%), развлекательные передачи (53%), художественные фильмы (49%). На период опроса 2007 г. для 53–55% респондентов предпочитаемый язык *новостей и общественно-политических* передач по радио и телевизору, а также *развлекательных телепередач* не имел особенного значения, их устраивал и русский, и украинский язык. В АР Крым так отвечали 15–20% респондентов, 37%–52% – в Западном регионе, 32–40% – на Донбассе.

По сравнению с данными 2007 г. в 2017 г. выросла доля респондентов (с 55% до 62%), которые не фокусируются на определенном языке телепередач (табл. 5). Вариант «смотрел бы телепередачи только на украинском» в 2007 г. выбирали 13% опрошенных, «на русском» – 31%. В 2017 г. ситуация изменилась, исключительно русскоязычные передачи хотели бы смотреть 13%, на украинском – 23% респондентов. За этот период изменилась аудитория

¹⁹ Закон України: Про ратифікацію Конвенції про охорону та заохочення розмаїття форм культурного самовираження, «Відомості Верховної Ради України» 2010, № 9, с. 91; *Rethinking language and linguistic diversity in schools*, European Commission, 2017, https://ec.europa.eu/education/sites/education/files/rethinking-language-report_en.pdf [доступ: 10.10.2018].

(не опрашивались жители Крыма и части Донбасса), а также наполнение телевидения. Была запрещена трансляция большинства каналов РФ, которые до того времени присутствовали в сетях кабельного, цифрового телевидения. С октября 2017 г. в Украине вступил в силу закон о языковых квотах на телевидении, обязывающий общенациональные каналы вести на украинском языке не менее 75 процентов вещания. Ранее в ноябре 2016 г. вступили в силу языковые квоты на радио. Закон обязывает радиостанции транслировать на государственном языке не менее 35% от общего объема песен в течение суток.

Табл. 5. Предпочитаемый язык телепередач в разных регионах (2017, %)

Регионы	Предпочитаемый язык телепередач			
	Только украинский	Только русский	И украинский, и русский в равной мере	Не имеет значения, украинский или русский
N = 1800	23,0	12,9	33,4	29,1
Запад	67,6	0,0	14,6	17,8
Север	14,1	8,4	37,2	39,8
Центр	26,0	3,6	28,2	40,8
Юг	5,7	15,5	40,9	36,8
Восток	4,0	19,1	51,7	23,5
Донбасс	4,2	50,0	22,3	15,1

Источник: Мониторинг «Украинское общество» Института социологии НАН Украины.

ЯЗЫК ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРОДУКЦИИ И ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ

Ориентации исключительно на украиноязычное чтение прессы и беллетристики не были популярны: в 2007 г. 19% читали бы только на украинском языке газеты, художественные книги – 14%, профессиональную литературу – 16%. Ориентированы на чтение книг и газет только на украинском языке были 50–61% жителей Западного региона, по мере продвижения на Восток и Юг страны эта доля уменьшалась до 1–5%. Вместе с тем в Северном, Центральном регионах 66–70% могли бы читать газеты/книги и на том, и на другом языке, в Южном и Восточном – 44–55%, на Донбассе таких было 12–20%. В случае предпочитаемого языка чтения специализированных, профессиональных изданий 38% респондентов отвечали, что выбрали бы русский язык публикации, 16% – украинский, 38% устроил бы и русский, и украинский. На Западе страны каждый второй высказался исключительно за украинский язык таких изданий, на Юге – каждый второй за

русский; этот же вариант поддержали 82–85% жителей Донбасса и АР Крым. Такая картина не будет удивительной, если обратиться не только к опыту культурного потребления населения, но и к данным статистики относительно практик издания книг, газет и другой печатной продукции на разных языках за последние 20 лет в Украине.

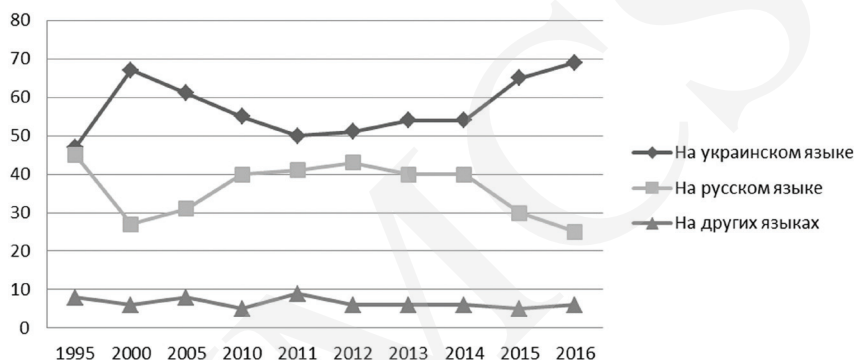

Рис. 1. Распределение годовых тиражей книг и брошюр в Украине по языкам (%)

Источник: *Засоби масової інформації та книговидання в Україні у 2016 році. Статистичний бюлетень*, Київ 2017, с. 11.

Динамика издания книг на украинском языке выглядит более-менее сбалансированной с первого взгляда: годовые тиражи книг и брошюр превышают подобные издания на русском (рис. 1). Вместе с тем значительную часть годовых тиражей книг и брошюр (52,5%) составляют учебные и методические издания, из них 46,8% – для средней школы (2013 г.). Литературно-художественных произведений в общем объеме изданий в течение этого было года лишь 13,6%, научных и научно-популярных – 5,3%, для детей и юношества – 9,7%²⁰.

Доля читателей художественной литературы сокращается довольно быстро в последнее десятилетие, а те, кто продолжают читать, отдают предпочтение массовым жанрам – детективам (17%), историческим (13%), любовным романам (11%). Протекционистская налоговая политика для отечественных издательств все эти годы не была реализована и пространство художественной литературы оставалось преимущественно русскоязычным, с насыщением рынка продукцией российских издательств разных жанров и направлений. Только в последний период ситуация в книгоиздательстве начинает меняться.

²⁰ *Засоби масової інформації та книговидання в Україні у 2013 році. Статистичний бюлетень*, Київ 2014, с. 14.

По данным опросов населения в *возрасте 15–59 лет* около 50–60% книг, покупаемых респондентами в течение последних трех месяцев с дня опроса, были на русском языке²¹. На украинском языке покупали в основном учебную, научную литературу, детские книги.

Динамика издательства *прессы* по языковому признаку показывает такую картину: с 1995-го годовые тиражи газет на украинском языке стремительно уменьшаются, в то же время растут тиражи русскоязычных изданий; в 2016 г. это соотношение достигало 33% к 63% (в 1995 – 50% к 45%).

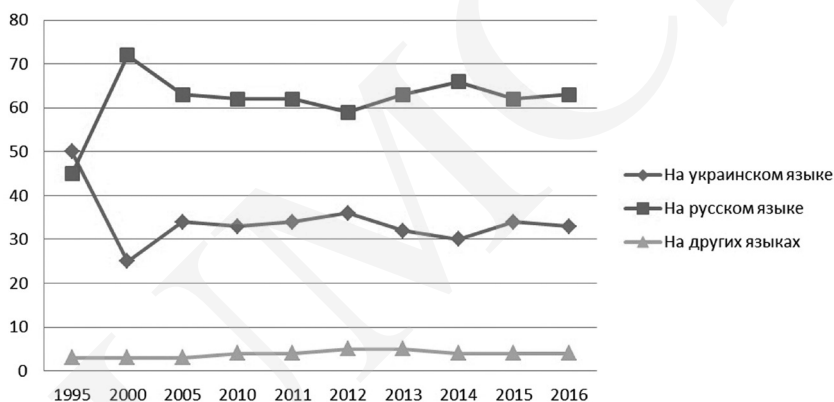

Рис. 2. Распределение годовых тиражей газет в Украине по языкам (%)

Источник: *Засоби масової інформації та книговидання в Україні у 2016 році. Статистичний бюлетень*, Київ 2017, с. 4.

Годовые тиражи других *периодических изданий* (журналы, бюллетени, сборники) также показывают существенное преобладание русскоязычных изданий по сравнению с украиноязычными: 83% и 11% в 2013 г., 70% и 19% в 2016 г. (было 18% и 70% в 1995 г.) (см. рис. 3).

Среди таких периодических русскоязычных изданий много еженедельных популярных журналов типа «Отдохни», «Мой любимый сад», «Вяжем сами», «Добрые советы», «Женские истории» и пр. Привлекая невысокой ценой, яркими иллюстрациями, они рассчитаны на русскоязычное постсоветское пространство, содержательно часто связаны с российской телепродукцией, событиями из мира эстрады, спорта РФ. Функционирование российской и украинской популярной эстрады/шоу-бизнеса, телеиндустрии в довоенный период было достаточно тесно переплетено. Популярная

²¹ *Звіт Дослідження читання книжок в Україні – 2014*, www.slideshare.net/gfkukraine/ss-39758804?related=1 [доступ: 10.09.2018].

культура как продукт культурных индустрий беспрепятственно распространялась (и в ряде случаев продолжает распространяться) через все медиаканалы, репродуцируя интерес к русскому языку во всех регионах Украины, включая западные.

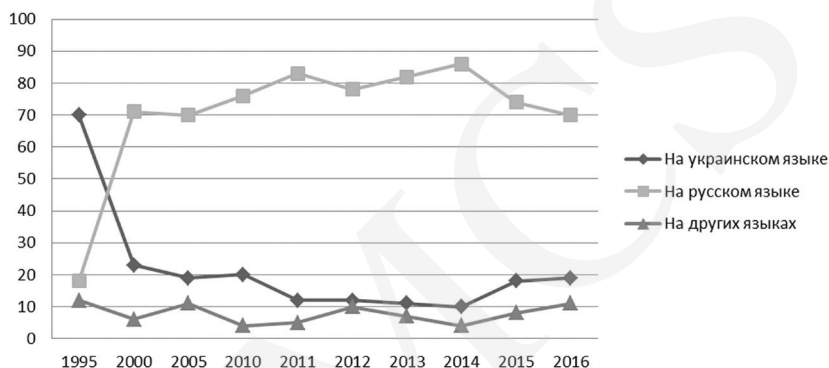

Рис. 3. Распределение годовых тиражей периодических и продолжающихся изданий (кроме газет) в Украине по языкам (%)

Источник: *Засоби масової інформації та книговидання в Україні у 2016 році. Статистичний бюлетень*, Київ 2017, с. 16.

ВЫВОДЫ

Траектория языковой ситуации в украинском обществе обусловлена множеством исторических, идеологических, политических, культурных, рыночных, социальных, технологических факторов, конкретные сочетания которых в тот или иной момент времени и места создают условия для репродуцирования, или же, наоборот, изменения, языковых практик. Подъем гражданских чувств на нынешнем этапе вооруженной обороны государства и попыток его переустройства на демократических и соревновательных началах, сочетается с эмоциональным подъемом в рамках национального возрождения – с его вниманием к традиционным составляющим (украинский язык как язык титульного этноса, национальные традиции, обряды, одежда, еда и пр.).

Вместе с тем, как показывают данные опросов, большинство респондентов достаточно толерантно воспринимает и использует сосуществование украинского и русского языка, в частности, в пространстве культурного потребления. И на том, и на другом языке могли бы читать прессу и литературу, слушать радио, смотреть телепередачи каждый второй житель Западного региона, 72% на Севере страны, 80% – в Центре, 71% – на Юге, 77% –

на Востоке, 61% – на Донбассе (мониторинг 2015 г.). Двуязычные предпочтения потребления культурной продукции усилились сравнительно с ситуацией 2007 г. Это подтверждает тезис, что повседневное двуязычие, достаточно свободное владение украинским и русским языком, смешанными языковыми кодами большинством граждан страны содержит в себе потенциал солидаризации и общую почву для коммуникации, диалога в обществе. Повседневный уровень владения двумя языками можно считать важным человеческим ресурсом, разновидностью культурного капитала общества, показателем межкультурной компетентности.

В последние годы принимаются новые политико-правовые решения для усиления роли украинского языка в разных сферах жизни общества, в том числе в виде государственной поддержки отечественных отраслей культуры, которые за предыдущие годы существования независимой Украины оказались в состоянии развала – например, киноиндустрия (повышено бюджетное финансирование), книгоиздательство (создан новый координирующий орган – Институт книги). Установлены языковые квоты на радио, телевидении, регулирующие объем вещания в пользу украинского языка. Некоторые решения, которые трудно было бы назвать демократическими (например, запрет телетрансляции российских каналов, блокировка российских социальных сетей), в условиях чрезвычайного состояния (*emergency*) не вызывают особого противодействия в общественном мнении граждан. В рейтинге актуальных проблем, которые находятся в центре внимания по опросам общественного мнения, вопросы языка пребывают на периферии. Тем не менее, языковые практики являются базовыми в повседневной жизни каждого человека и привлечь к ним внимание, вызвать эмоциональные реакции населения достаточно легко, используя манипулятивные технологии. Действительной целью последних является достижение «символической власти» (П. Бурдьё) под прикрытием заботы о сохранении и развитии языка (украинского или русского, в зависимости от целей манипулятора).

Во всем мире распространяется понимание важности знать и понимать другие культуры, повышать уровень межкультурной компетентности, толерантности. Продвижение украинского языка должно основываться на динамичной образовательной политике, экономической поддержке украиноязычных культурных продуктов, их популяризации культурными, просветительскими, медийными средствами. Необходимо создавать и поддерживать интересные детям и молодежи креативные центры и среды (образовательные, досуговые и др.), в которых быть украиноязычным, а также двуязычным/многоязычным, является престижным и перспективным. Большой потенциал имеет онлайн-среда с ее возможностями доступа к культурным продуктам,

онлайн-образованию, межкультурной коммуникации. В рамках современных представлений о языковых (как и всяких других) практиках, их принято рассматривать как находящиеся в ситуации конкуренции друг с другом – за время, внимание, эмоции, компетентность их носителей, свободное желание последних быть им преданными. Будет ли такая конкуренция иметь характер взаимодополняющего и взаиморазвивающего соревнования, или же противостояния и взаимного (деструктивного) отрицания – выбор, перед которым стоит современная украинская культура и общество. Предстоит сложный и долгий путь, на котором вряд ли возможны быстрые и простые решения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Aza L.O., *Etnomovna dyferentsiatsiya v Ukrayini: rehional'ni osoblyvosti*, [w:] *Kul'tura – suspil'stvo – osobystist'. Kurs lektsiy: navch. posib.*, red. L. Skokova, Kyiv 2006.
- Blommaert J., Rampton B., *Language and Superdiversity*, “Diversities” 2011, Vol. 13(2).
- Bourdieu P., *Language and Symbolic Power*, Oxford 1991.
- Bourdieu P., *The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature*, New York 1993.
- Burd'ye P., *O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka*, „Otechestvennyye zapiski” 2005, nr 2, www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka [dostup: 10.10.2018].
- Burd'ye P., *Prakticheskiy smysl*, Moskva 2001.
- Grabovskiy S., *Kak my ne stali chast'yu „yedinogo naroda”*. *Ukrainskaya gorodskaya kul'tura 1960–1980-kh: dramatichnaya istoriya*, 14 fevralya, 2014, <https://day.kyiv.ua/ru/article/ukraina-incognita/kak-my-ne-stali-chastyu-edinogo-naroda> [dostup: 10.10.2018].
- Hentshel' H., Tseler P., *Aspekty vykorystannya mov u tsentral'nykh rehionakh Ukrayiny*, „Sotsyolohiya: teoriya, metody, marketynh” 2016, nr 4.
- Holovakha YE., Panina N., *Monitorynhovi doslidzhennya Instytutu sotsiolohiyi NAN Ukrayiny: metodolohiya, metody, orhanizatsiya opytuvan'*, [w:] *Ukrayins'ke suspil'stvo: monitorynh sotsial'nykh zmin*, Kyiv 2014, Vyp. 1(15), t. 2. <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/language> [dostup: 10.10.2018].
- Kas'yanov H., *Istorychna polityka 1990-kh poch. KHKHI st.: Ukrayina ta postradyans'kyi prostir*, „Ukrayina moderna” 2014, Chislo 21.
- Khmel'ko V.E., *Linhvoetnichna struktura Ukrayiny: rehional'ni osoblyvosti ta tendentsiyi zmin za roky nezalezhnosti*, „Naukovi zapysky NaUKMA. Sotsiolohichni nauky” 2004, t. 2.
- Kolodiy A., *Ukrayins'kyi rehionalizm yak stan kul'turno-politychnoyi polyaryzovanosti*, „Ahora” 2006, nr 3.
- Kononov I., *Kul'turni dyskursy rehioniv*, [w:] *Yakisni doslidzhennya v sotsiolohichnykh praktykakh: [navch. posib]*, red. N. Kostenko, L. Skokova, Kyiv 2009.
- Korporowicz L., *Kompetencja kulturowa jako problem badawczy*, „Kultura i Społeczeństwo” 1983, nr 2.
- Kostenko N., *U stani „emergency”*: *kul'turni efekty*, „Sotsiolohiya: teoriya, metody, marketynh” 2016, nr 24.
- Kulyk V., *Dyskurs ukrajins'kykh mediy: identychnosti, ideolohiyi, vladni stosunki*, Kyiv 2010.

- Mova i symvolichne nasyl'stvo. Interv'yu Loyika Vakana z P'yerom Burd'ye*, „Spil'ne” 2011, <http://commons.com.ua/mova-i-simvolichne-nasilstvo/#more-9946> [dostup: 10.10.2018].
- Prybytkova I., *Ukrayina v rehional'no-hromadyans'komu ta natsional'no-movnomu vymiri za doby zmin*, [w:] *Ukrayins'ke suspil'stvo: monitorynh sotsial'nykh zmin*, Kyiv 2014, Vyp. 1(1).
- Rethinking language and linguistic diversity in schools*, European Commission, 2017, https://ec.europa.eu/education/sites/education/files/rethinking-language-report_en.pdf [dostup: 10.10.2018].
- Ruchka A.O., *Variatsiyi natsional'no-prostorovykh identychnostey*, [w:] *Sotsiokul'turni identychnosti ta praktyky*, red. A. Ruchka, Kyiv 2002.
- Skokova L., *Kul'turni preferentsiyi rehioniv*, [w:] *Subkul'turna variatynnist' ukrayins'koho sotsiumu*, red. N. Kostenko, A. Ruchka, Kyiv 2010.
- Skokova L., *Movna sotsializatsiya i movni kompetentsiyi molodi v Ukraini: rehional'ni osoblyvosti*, [w:] *Molodizhna polityka: problemy i perspektyvy. Zbirnyk naukovykh prats'*, red. S. Shchudlo, P. Dluhosh, Drohobych–Zheshuv 2016.
- Skokova L.H., *Movnyy aspekt praktyk kul'turnoho spozhyvannya*, [w:] *Ukrayins'ke suspil'stvo: monitorynh sotsial'nykh zmin*, red. V.M. Vorona, M.O. Shul'ha, Kyiv 2015, Vyp. 2(16).
- Shul'ha M., *Dynamika vykorystannya ukrayins'koyi i rosiys'koyi movy u simeynomu spilkuvani*, [w:] *Ukrayins'ke suspil'stvo 1992–2010. Sotsiolohichnyy monitorynh*, red. V. Vorona, M. Shul'ha, Kyiv 2010.
- Statystychnyy shchorichnyk Ukrainy za 2010 rik*, Kyiv 2011.
- Vyshnyak O.I., *Movna sytuatsiya ta status mov v Ukraini: dynamika, problemy, perspektyvy (sotsiolohichnyy analiz)*, Kyiv 2009.
- Yevtukh V., *Polietnichnost' kak konstrukt modus vivendi*, „Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing” 2014, nr 4.
- Žižek S., *A permanent economic emergency*, “New Left Review” 2010, Vol. 64.
- Zakon Ukrainy: Pro ratyfikatsiyu Konventsii pro okhoronu ta zaokhochennya rozmayittya form kul'turnoho samovyrazhennya*, „Vidomosti Verkhovnoyi Rady Ukrainy” 2010, nr 9.
- Zasoby masovoyi informatsiyi ta knyhovydannya v Ukraini u 2013 rotsi. Statystychnyy byuleten'*, Kyiv 2014.
- Zasoby masovoyi informatsiyi ta knyhovydannya v Ukraini u 2016 rotsi. Statystychnyy byuleten'*, Kyiv 2017.
- Zvit Doslidzhennya chytannya knyzhok v Ukraini – 2014*, www.slideshare.net/gfkukraine/ss-39758804?related=1 [dostup: 10.09.2018].

SUMMARY

The paper addresses the following problems: language socialization; linguistic competences and language practices among the population of different Ukraine's regions (in regard to Ukrainian and Russian languages spoken in Ukraine); monolingualism/bilingualism in everyday life and in public communication; consumption of cultural products; the dynamics of cultural production in Ukrainian or Russian in the area of literature and mass media. The author emphasizes that bilingualism, different language codes' using, high level of linguistic competence of Ukraine's population are the country's advantages, therefore, in order to retain them a well-balanced language policy ought to be developed.

Keywords: language socialization; language competence; language practices; bilingualism; the dynamics of culture production; regional characteristics of language practices of cultural consumption; the dynamics of language preferences; language policy

STRESZCZENIE

Artykuł porusza takie problemy, jak: socjalizacja języka; kompetencje językowe i praktyki językowe ludności zamieszkującej różne regiony Ukrainy (w odniesieniu do języka ukraińskiego i rosyjskiego, ponieważ są one używane w tym kraju); jednojęzyczność/dwujęzyczność w życiu codziennym i komunikacji publicznej; konsumpcja dóbr kultury; dynamika produkcji kultury w języku ukraińskim lub rosyjskim w literaturze i środkach masowego przekazu. Autorka podkreśla, że dwujęzyczność, używanie różnych kodów językowych oraz wysoki poziom kompetencji językowych Ukraińców świadczą o ich międzykulturowej otwartości. W opracowaniu zostały przeanalizowane sposoby mające na celu wzmocnienie pozycji języka ukraińskiego w życiu społecznym, wskazano też potrzebę opracowania zrównoważonej polityki językowej.

Słowa kluczowe: socjalizacja języka; kompetencje językowe; praktyki językowe; dwujęzyczność; dynamika produkcji dóbr kultury; regionalne cechy językowych praktyk konsumpcji kulturalnej; dynamika preferencji językowych; polityka językowa

РЕЗЮМЕ

В статье анализируются особенности языковой социализации, языковых компетентностей и практик относительно украинского и русского языка населения разных регионов Украины, ситуация моноязычия/двуязычия в повседневных и публичных коммуникациях, потреблении продуктов культуры, динамика производства продуктов культуры в полях масс-медиа, литературы на украинском и русском языках. Подчеркивается, что использование разных языковых кодов, двуязычная языковая компетентность является показателем культурного капитала общества, межкультурной открытости. Анализируются способы усиления позиции украинского языка в жизни социума, необходимость разработки взвешенной языковой политики.

Ключавыя словы: языковая социализация; языковая компетентность; языковые практики; двуязычие; динамика производства продуктов культуры; региональные особенности языковых практик культурного потребления; динамика языковых предпочтений; языковая политика